

ОЛДОС ХАКСЛИ

ДВЕРИ ВОСПРИЯТИЯ

РАЙ И АД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х16

Серия «Эксклюзивная классика»

Aldous Huxley
THE DOORS OF PERCEPTION
HEAVEN AND HELL

Перевод с английского *М. Немцова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Печатается с разрешения Aldous and Laura Huxley Literary Trust,
наследников автора и литературных агентств
Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg.

Хаксли, Олдос.

Х16 Двери восприятия. Рай и ад / Олдос Хаксли ;
[пер. с англ. М. Немцова]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2024. — 224 с. — (Эксклюзивная клас-
сика).

ISBN 978-5-17-095601-2

Самые неоднозначные и популярные произведе-
ния знаменитого Олдоса Хаксли. Работы, ставшие свое-
образным интеллектуальным манифестом для поклон-
ников психоделической культуры бурных шестидесятых.
Ими восхищались Карлос Кастанеда и Тимоти Лири, Кен
Кизи и Джим Моррисон. Они повлияли на умы сотен ты-
сяч «сердитых молодых людей», искавших новый смысл
бытия. Их смысл и суть — поиски идеальных путей рас-
ширения сознания.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Aldous Huxley, 1954, 1956
© Перевод. М. Немцов, 2015
ISBN 978-5-17-095601-2 © Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ДВЕРИ ВОСПРИЯТИЯ

Если бы двери восприятия были чисты,
все предстало бы человеку таким,
как оно есть — бесконечным.

Уильям Блейк

В 1886 году немецкий фармаколог Людвиг Левин опубликовал первое систематическое исследование кактуса, которому впоследствии было присвоено имя ученого. *Anhalonium Lewinii* оказался для науки новостью. Для первобытной же религии и для индейцев Мексики и американского Юго-Запада он был другом с незапамятных лет. На самом же деле — гораздо больше, чем просто другом. По словам одного из первых испанцев, посетивших Новый Свет, «они едят корень, который называют Пейотль и которому поклоняются, словно божеству».

Почему они поклонялись корню, как божеству, выяснилось, когда видные психологи, такие как Йенш, Хэвлок Эллис и Уир Митчелл*,

* Эрик Йенш (1883—1940) — немецкий психолог. Генри Хэвлок Эллис (1859—1939) — британский психолог и сексолог. Сайлас Уир Митчелл (1829—1914) — американский врач и писатель. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

начали проводить свои эксперименты с мескалином — активным элементом пейота. Правда, они не дошли до оголтелого идолопоклонства, однако единодушно отвели мескалину уникальное место среди остальных наркотиков. Если вводить его в соответствующих дозах, он глубже изменяет качество сознания и в то же время менее токсичен, нежели любые другие вещества в фармакологическом арсенале.

Исследования мескалина проводились спорадически, начиная со времен Левина и Хэвлока Эллиса. Химики не просто выделили алкалоид — они научились синтезировать его, чтобы запасы вещества больше не зависели от скудных и непостоянных запасов пустынного кактуса. Психиатры-алиенисты принимали мескалин, надеясь лучше и непосредственнее понять ментальные процессы своих пациентов. Работая, к сожалению, со слишком немногочисленными темами в слишком узком спектре обстоятельств, психологи наблюдали и каталогизировали некоторые наиболее поразительные эффекты, производимые этим наркотиком. Невропатологи и физиологи обнаружили кое-что касательно механизма его воздействия на центральную нервную систему. И по меньшей мере один профессиональный философ принимал мескалин, дабы пролить свет

на такие древние неразгаданные тайны, как место разума в природе и отношения между мозгом и сознанием.

Этих тем никто не касался, пока два или три года назад внимание не привлек новый и, возможно, весьма значительный факт*. На самом деле этот факт лежал у всех на виду несколько десятков лет; но так случилось, что никто его не замечал, пока одного молодого английского психиатра, в настоящее время работающего в Канаде, не поразило близкое сходство химического состава мескалина и адреналина. Дальнейшие исследования показали, что и лизергиновая кислота — крайне мощный галлюциноген, получаемый из спорыньи, — связана с ними по биохимической структуре. Позже было открыто, что аденохром — продукт распада адрена-

* См. следующие работы: Хамфри Осмонд и Джон Смайтиз. Шизофрения: новый подход. *The Journal of Mental Science*, том ХСVIII, апрель 1952 г. Хамфри Осмонд. Касательно безумия. *Saskatchewsn Psychiatric Services Journal*, том 1, № 2, сентябрь 1952 г. Джон Смайтиз. Мескалиновые явления. *British Journal for the Philosophy of Science*, том III, февраль 1953 г. Абрам Хоффер, Хамфри Осмонд и Джон Смайтиз. Шизофрения: новый подход. *The Journal of Mental Science*, том С, № 418, январь 1954 г. Сейчас готовится множество других работ по биохимии, фармакологии, психологии и нейрофизиологии шизофрении и по мескалиновым феноменам. — *Примеч. авт.*

лина — может вызывать многие симптомы, наблюдаемые при отравлении мескалином. Только адренохром, вероятно, возникает в человеческом теле спонтанно. Другими словами, каждый из нас способен производить химическое вещество, микроскопические дозы которого, как стало известно, приводят к глубоким изменениям в сознании. Некоторые из таких изменений сходны с теми, что имеют место при самом характерном заболевании двадцатого века, подлинной чуме — шизофрении. Умственное расстройство происходит вследствие расстройства химического? А химическое, в свою очередь, — вследствие психологических расстройств, влияющих на надпочечники? Не слишком ли необдуманно и преждевременно такое утверждать? Мы можем сказать лишь, что этот случай был выделен из прочих за отсутствием доказательств в пользу обратного. Тем временем по этим наметкам продолжают систематические работы, а изыскатели — биохимики, психиатры, физиологи — идут по следу.

После целого ряда крайне удачных для меня обстоятельств, весной 1953 года я обнаружил, что вышел как раз на их дорогу. Один из этих изыскателей приехал по своим делам в Калифорнию. Несмотря на семьдесят лет исследова-

ний мескалина, психологических данных в его распоряжении по-прежнему было до смешного мало, и ему очень хотелось пополнить материал. Я оказался рядом и желал — даже стремился — стать подопытным кроликом. Вот так и произошло: однажды ясным майским утром я проглотил четыре десятых грамма мескалина, растворенных в половине стакана воды, и сел ожидать результатов.

Мы живем вместе, мы совершаем поступки и реагируем друг на друга; но всегда и во всех обстоятельствах мы — сами по себе. На арену мученики выходят рука об руку; распинают же их поодиночке. Обнявшись, влюбленные отчаянно пытаются сплавить свои изолированные экстазы в единую самотрансценденцию; тщетно. По самой своей природе каждый воплощенный дух обречен страдать и наслаждаться в одиночестве. Ощущения, чувства, прозрения, капризы — все они личны и никак не передаваемы, если не считать посредства символов и вторых рук. Мы можем собирать информацию об опыте, но не сам опыт. От семьи до нации, каждая группа людей — это общество островных вселенных.

Большинство островных вселенных достаточно похожи друг на друга, чтобы можно было сконструировать понимание или даже взаимную

эмпатию, или «вчувствование». Таким образом, вспоминая собственные горести и унижения, мы можем сочувствовать тем, кто попадает в аналогичные ситуации, можем ставить себя на их место (всегда, разумеется, в несколько пиквиковском смысле). Но в определенных случаях коммуникация между вселенными не полна или ее не существует вовсе. Разум находится на своем месте, а места, населенные безумными или исключительно одаренными, отличаются от мест, где живут обыкновенные люди, и общей памяти у них очень мало или же нет совершенно ничего, что способно стать основой для понимания или дружественного чувства. Слова произносятся, но не просветляют. Вещи и события, обозначаемые символами, принадлежат ко взаимоисключаемым царствам опыта.

Видеть себя так, как другие видят нас, — самый благотворный дар. Едва ли менее важна способность видеть других так, как они сами себя видят. Но что, если эти другие принадлежат к иному виду и населяют совершенно чуждую вселенную? Например, как может человек в здравом уме узнать, каково быть безумным? Или же, не имея возможности родиться заново провидцем, медиумом или музыкальным гением, как мы можем посетить миры, которые для

Блейка, для Сведенборга*, для Иоганна Себастьяна Баха были родным домом. И как человеку, достигшему крайних пределов эктоморфии и церебротонии, поставить себя на место человека на пределах эндоморфии и висцеротонии или, если не считать определенных строго очерченных границ, разделить чувства того, кто стоит на пределах мезоморфии и соматотонии? Для ревностного бихевиориста такие вопросы, я полагаю, лишены всякого смысла. Но для тех, кто верит теоретически в то, что на практике, насколько им известно, истинно, — а именно, что у опыта есть как наружная, так и внутренняя сторона, — для таких людей поставленные проблемы реальны и тем более суровы, что какие-то неразрешимы абсолютно, а некоторые разрешимы только в исключительных обстоятельствах и методами, недоступными любому и каждому. Таким образом, бесспорно одно: я никогда не узнаю, каково быть сэром Джоном Фальстафом или Джо Луисом**. С другой стороны, мне всегда казалось, что, возможно, к примеру, с помощью

* Уильям Блейк (1757—1827) — английский поэт и художник, мистик. Эмануэль Сведенборг (1688—1772) — шведский философ-мистик.

** Джо Луис (1914—1981) — американский боксер-тяжеловес.

гипноза или самогипноза, посредством систематической медитации или же приняв соответствующий наркотик, я мог бы изменить свой нормальный режим сознания таким образом, чтобы иметь шанс узнать изнутри, о чем говорили и провидец, и медиум, и даже мистик.

Я кое-что читал о мескалиновом опыте и заранее пришел к убеждению: этот наркотик позволит мне по крайней мере на несколько часов сойти в тот внутренний мир, что был описан Блейком и остальными. Но ожидаемого не произошло. Я думал, что буду лежать с закрытыми глазами, а ко мне придут видения многоцветных геометрий, ожившей архитектуры, богато украшенной драгоценностями и неизъяснимо прекрасной, пейзажей с героическими фигурами, символических драм, неустанно подрагивающих на грани абсолютного и окончательного откровения. Но я, совершенно очевидно, не учел идиосинкразии собственного ментального строения, фактов своего темперамента, подготовки и привычек.

Насколько я себя помню, всегда (как и сейчас) мне плохо удавалось строить визуальный образ. Слова — даже богатые смыслом слова поэтов — не вызывают образов у меня в мозгу. Никакие гипногические видения не встреча-

ют меня на пороге сна. Когда я что-то вспоминаю, память не представляет мне это ярко зримым событием или объектом. Усилием воли я могу вызвать не очень отчетливое изображение того, что произошло вчера днем, как выглядел Лунгарно до того, как уничтожили мосты, или Бэйсуотер-роуд, когда единственные автобусы были зелеными, крошечными и влеклись старыми лошадьми со скоростью три с половиной мили в час. Но в таких образах мало субстанции и совершенно нет собственной независимой жизни. Они соотносятся с настоящими воспринимаемыми объектами так же, как гомеровские тени — с людьми из плоти и крови, пришедшими к теням этим в гости. Лишь когда у меня сильно поднимается температура, мои ментальные образы по-настоящему оживают. Тем, у кого свойство визуализации сильно, мой внутренний мир может показаться до странности тусклым, ограниченным и неинтересным. Таков мир — убогий, но мой, — который, как я ожидал, трансформируется в нечто совершенно на него не похожее.

Та перемена в этом мире, которая имела место в действительности, не была революционной ни в каком смысле. Через полчаса после того, как я проглотил наркотик, я обратил внимание

на медленный танец золотых огней. Немного погодя возникли роскошные красные поверхности, которые набухали и расширялись из ярких узлов энергии, вибрировавших соответственно своему изменчивому узору. В другой раз, закрыв глаза, я увидел комплекс серых структур, внутри которых возникали бледно-голубоватые сферы, напряженно твердели и, появившись, бесшумно скользили вверх, прочь из виду. Но ни разу там не возникало ни лиц, ни форм, ни людей, ни животных. Я не видел никаких пейзажей, никаких громадных пространств, никакого волшебного роста и метаморфоз зданий, ничего, даже отдаленно напоминавшего драму или притчу. Тот иной мир, куда впустил меня мескалин, не был миром видений; он существовал в том, что я мог видеть открытыми глазами. Великая перемена произошла в царстве объективного факта. То, что случилось с моей объективной вселенной, было относительно незначимым.

Я принял таблетку в одиннадцать. Полтора часа спустя я сидел у себя в кабинете, пристально глядя на небольшую стеклянную вазу. В вазе было всего три цветка: полностью расцветшая роза «Красавица Португалии», жемчужно-розовая, лишь с легким намеком на более горячий, пламенный оттенок у основания каждого

лепестка; крупная пурпурно-кремовая гвоздика и бледно-лиловый у основания сломанного стебля дерзкий геральдический цветок ириса. Случайный и преходящий, этот букетик нарушал все правила традиционного хорошего вкуса. В то утро за завтраком меня поразил живой диссонанс его красок. Но это больше не имело значения. Сейчас я смотрел не на причудливое сочетание цветов. Я видел то, что видел Адам в утро творения, — миг за мигом, чудо обнаженного существования.

— Приятно? — спросил кто-то. (В этой части эксперимента все разговоры записывались на диктовальную машину, и я мог впоследствии освежить память.)

— Ни приятно, ни неприятно, — отвечал я. — Это просто *есть*.

Istigkeit — кажется, это слово любил употреблять Майстер Экхарт?* «Есть-ность». Бытие философии Платона — если не считать того, что Платон, по-видимому, совершил огромную абсурдную ошибку, отделив Бытие от становления и идентифицировав его с математи-

* Иоганн Экхарт (ок. 1260 — ок. 1327) — немецкий теолог, считавшийся родоначальником немецкого мистцизма.